

ТАКИЕ РАЗНЫЕ МОИ ГЕРОИ...

О СВОЕЙ РАБОТЕ В ТЕАТРЕ И КИНО
РАССКАЗЫВАЕТ НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР
Е. ВЕСНИК

Популярный киноартист, актер и режиссер прославленного Малого театра, народный артист РСФСР Евгений Весник недавно приехал в Челябинск для участия в программе «Юморина». Для нас это не было неожиданным, ведь кинозрителям он знаком, прежде всего, по комедийным ролям. Но, когда я заговорила на эту тему, Евгений Яковлевич вдруг нахмурился.

— Я имел глупость по молодости сняться во многих «отрицательных» ролях. Мне даже это нравилось: драться, бегать, стрелять, смеяться. «Дело № 306», «Новые включения неуловимых», «Свет далекой звезды», «Трембита»... Раньше-то нравилось, а теперь приобрело некоторые штампы. Поэтому от подобных «отрицательных» ролей отказываюсь. Зато с огромным удовольствием снялся в фильме, выпущенном к юбилею книги Алексея Толстого «Золотой ключик», где играю доброго наивного сказочника. В фильме про Миклухо Макля, который снял мой друг и коллега по театру Юрий Соломин (он и играет главную роль), я исполнил роль австралийского финансиста, который помогал русскому исследователю.

Сейчас в телевизионном объединении «Экран» снимается моя постановка «Ревизора», где я играю Гордичного, и должен сказать, что не испытывал таких трудностей ни в одном из 64-х фильмов, в которых снялся. Сложность в том, что нельзя ни придумывать, ни выдумывать, как это модно стало в режиссуре кино, нельзя уходить от литературного оригинала, — а надо проникнуть в его суть. Мудрость художника состоит в том, чтобы находить трактовки, соответствующие времени, но не искажать смысл и формы классического произведения.

— Актеру, играющему какую-либо роль, наверное, трудно уйти от своей индивидуальности. Приходится преодолевать себя, чтобы сыграть несвойственный тебе характер...

— Артист должен не преодолевать себя, не «ломать», а силами своих данных — физических, умственных — подчинять себя образу. Ведь роли — это не мы, это другие люди. И актера надо судить не по тому, нравится ли он вам лично, молод ли он или стар, как он выглядит, — актера надо судить потому, какие он создает художественные образы. Могу привести в пример Николая Черкасова. В течение десяти лет он сыграл Александра Невского, Ивана Грозного, профессора Полежаева. И всякий раз его трудно было узнать. Это гениально. Или Михаил Ульянов, который играл роль Трубникова в «Председателе», через несколько лет шекспировского Ричарда, а еще через несколько лет — современного директора в фильме «День-деньской». Вот за это надо ценить актера. Чем богаче галерея образов, тем выше его класс. А если артист все время предлагает себя как личность... Ну, во-первых, надо быть личностью: Чарли Чаплиным, Борисом Андреевым. А если нет личности — нет творчества. Актер меняет костюмы, выучивает новые тексты — но это не творчество.

— Хочу спросить о взаимоотношениях с режиссерами: насколько вы подчиняетесь режиссерскому замыслу и в какой степени приносите что-то свое в фильм?

— Это сложный вопрос. Дело в том, что если режиссер превосходит меня по знанию материала, по интеллекту, по образованию, если я вижу, что его трактовка, видение этой сцены, этого фильма сильнее

моих и он меня в этом убеждает — я делаюсь подчиненным человеком. Если же я вижу, что режиссер «болтается» в своих трактовках, то я ставлю свои сцены сам или просто ухожу из этой картины.

Вообще, роль в кино — это лотерея. Режиссеры подбирают актеров скорее по принципу типажности, нежели по творческим признакам. И, к сожалению, мало кто из режиссеров серьезно следит за судьбой театральных актеров. Они знают, что, например, актер Иванов толстый, смешной — берут его на такую роль, Петров худой, нелепый — берут на другую роль... А проследить за судьбой актерской, помочь быть разнообразным — этого, увы, в кино сейчас почти нет. Режиссеры прежних поколений, такие, как Пырьев, Юткевич, имеющие большой театральный опыт, обладающие высокой культурой, — они занимались поисками различных вариаций, порою шли на самые неожиданные вещи. Например, Пырьев взял меня на роль полковника в фильме «Свет далекой звезды», а я вроде бы и не годился по типажу. Но он объяснил, что это парадоксальное назначение на роль, потому что если бы был человек с явно отрицательной внешностью, то это был бы мерзавец, а так как я был молодой обаятельный парень, то мой герой выглядел человеком, который просто неправильно мыслит.

Профессия артиста — незащищенная, легко ранимая, зависящая и от капризов моды, и от репертуара, и от взаимоотношений людей. Правда, лично у меня счастливо сложилась творческая судьба, потому что, кроме актерской работы, я занимаюсь режиссерской в театре, на телевидении и на радио, а еще пишу инсценировки — они шли в ряде театров. Например, инсценировка романов Ильфа и Петрова «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев». Кстати, я был первым Остапом Бендером на советской сцене. На свою актерскую судьбу я не жалею, много работаю и стараюсь не делать таких вещей, которые шли бы вразрез с моими представлениями об искусстве кинес.

Гостя расспросила
Л. САДЧИКОВА.